

Диалог с Чеховым о гражданской войне

Казарин В.

В апреле 1900 г. Художественный общедоступный театр приехал из Москвы на гастроли в Севастополь и Ялту, чтобы показать больному А.П. Чехову среди прочих спектаклей его «Дядю Ваню».

В присутствии драматурга впервые прозвучали со сцены исполненные тоски по будущему слова доктора Астрова, завершившие его рассказ о смерти на операционном столе под хлороформом железнодорожного стрелочника: «Сел я, закрыл глаза – вот так, и думаю: те, которые будут жить через сто – двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом?»

За тех, кто будет перечитывать «Дядю Ваню» в 2100 году, мы, естественно, отвечать не можем. Но слова «сто лет после нас» обращены прямо к нам. В результате мы уже не просто читатели или зрители. Сам Чехов позвал нас даже не в собеседники, но в судьи. Писатель думает, что уж мы-то – через 100 лет после него и его героев - будем знать правду.

Слова Астрова, которые я процитировал, сказаны им в первом действии. Они так важны для героя и драматурга, что будут повторены. Астров в четвертом действии сам ответит на вопрос, который задаст нам в действии первом: «Те, которые будут жить через сто – двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, – те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми...»

Таким образом, доктор Астров, во-первых, считает, что мы будем плохо думать о своих предшественниках, а во-вторых, надеется, что мы-то будем жить совсем иначе.

Давайте примем предлагаемую нам роль собеседников и посмотрим на пьесу «Дядя Ваня» как на адресованное нам через столетие письмо, обращение, исповедь, ожидающее нашего просвещенного, умудренного опытом времени суда.

*«Мир погибает не от разбойников,
не от пожаров, а от ненависти,
вражды, всех этих мелких дрязг»*

Главное впечатление, которое остается сегодня от чтения «Дяди Вани», – пугающая схожесть всего прочитанного с той жизнью, которую мы ведем сегодня. Отличия есть, но они только в пропорциях той беды, которая одинаково постучалась и к ним, и к нам. Например, проблема наркотиков у них стоит еще по-детски: Войницкий пытается украсть у Астрова баночку сравнительно безобидного по нынешним понятиям морфия. Правда, А.К. Толстой умер за четверть века до крымской премьеры «Дяди Вани» от пере-дозировки морфия, но о массовых смертях от химических наркотиках еще не слыхивал. О таких «прелестях», как токсикомания, наши предшественники даже не догадываются.

Но вот пьют они уже по-нашенски: вдохновенно, регулярно, много и, как водится, легко находя себе оправдание (вроде рассуждений Астрова, что, напившись, он прекрасно делает «самые трудные операции», «рисует самые широкие планы будущего» и даже обзаводится «своей собственной философской системой»).

Несомненные родственники мы с ними и в хищническом, непростительном и преступном отношении к земле, к природе, которую одинаково воспринимаем не как родной дом или хотя бы среду обитания, но как чужой склад чужих вещей, которых не жалко. Слова Астрова по этому поводу нами, сегодняшними, вполне могут быть прочитаны как цитата из

современного экологического издания: «Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, со-греться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне...»

Правда, у них еще были иллюзии, что уничтожение природы может быть оправдано созданием мощной промышленной инфраструктуры (заводы, фабрики, железные дороги, шоссе, школы). Даже защитник лесов Михаил Львович согласен на такую компенсацию. Этой иллюзии мы сегодня лишены. В чем еще мы пугающе близки? Они, как и мы, все работают как каторжные, с утра до вечера, день за днем, год за годом: и Астров, и Войницкий, и Серебряков, и Соня. Но их, как и нас, этот изнурительный и непрерывный труд не спасает ни от бедности, ни от житейской тоски, ни от бессмысленности существования.

Далее. Они, как и мы, пустопорожние мечтатели, с трепетом неофитов относящиеся к таким понятиям, как банки, проценты, залоги, прибыль. Этими мечтаниями рождена сама мысль о продаже имения Сони. Как и сегодня, их идеал - недвижимое за границей. Впрочем, их аппетиты скромнее: Серебряков хочет всего-то дачу в Финляндии, которая тогда была чем-то вроде Прибалтики в советское время. О Швейцарии или Канарах он даже не думает.

Они так же разочаровались в своих недавних идолах как и мы. Анафеме предано все: книги, журналы, авторы, идеи, сама философия, которая стала ругательным словом, и ее в этом качестве беспрестанно поминает дядя Ваня (как у нас сегодня ругательным стало слово «демократ»). Точно так же еще недавно понятия «идейные убеждения» и «Отечество» вызывали среди нашей интеллигенции ту же реакцию, что и у Войницкого: «Заткни фонтан, Вафля!»

Думающая университетская элита в пьесе – выходцы из народа (таков, как известно, и сам Чехов), и, как следствие, у этой элиты, как и у нашей, советской, проблемы с языками: дядя Ваня и его мать по ночам переводили для Серебрякова иностранные книги.

Атеизм интеллигенции начала XX века столь же широк и агрессивен, как у элиты нашего общества на исходе советской эпохи. О Боге в пьесе не только не спорят, о нем вообще не говорят. Его нет. Он покинул мир этих героев.

Что еще можно назвать общего? Страсть к самоубийствам и стрельбе по ближнему, страсть к еде и вещам, похоть и почти поголовная истеричность всех и каждого, повсеместная грязь и забытые сумасшедшими лечебницы, постоянная готовность спорить с каждым по любому поводу и везде. Наконец, резонерство и готовность в любой момент доказать, что белое – это черное, а черное – это белое. Святого нет ничего. Можно оставить не только мать, как это неоднократно делает дядя Ваня, но ругательски обругать саму Родину и родную землю: «Нет, сумасшедшая земля, которая еще держит вас!»

Самое ужасное в том, что все они знают правду. То, что они говорят, идет в школьные учебники и моральные прописи последующих лет. Астрову принадлежат классические в своей общеизвестности слова о том, что «в человеке должно быть все прекрасно» и что «праздная жизнь не может быть чистою». Елена Андреевна произнесет замечательные фразы о том, как все вокруг «безрассудно губят человека», и о «бесе разрушения», который сидит во всех, и поэтому людям «не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга». Серебряков провозгласит свое верное до уныния: «...надо, господа, дело делать! Надо дело делать!» Дядя Ваня прокричит, компрометируя истерикой, в общем-то верные слова: «Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...» Наконец, даже немногословная старая няня Марина будет изрекать время от времени простые житейские истины, вроде: «Старые что малые, хочется, чтобы пожалел кто, а старых-то никому не жалко» и «Все мы у Бога приживалы».

Но весь этот свод премудростей остается бесполезным хламом, потому что никто в пьесе не собирается этими премудростями руководствоваться в жизни. Никто! Все ненавидят

друг друга. Абсолютно все! Страшно сказать, но даже добрая и безразличная заботливая нянечка, единственная вспоминающая о Боге в этой шумной, пьяной и бессердечной компании, нарушая христианскую заповедь о любви к ближнему, будет радоваться, что гости покидают дом. Еще бы! Ведь сюда снова вернется покой тихого растительного существования, одним из символов которого является любимая и давно желанная домашняя лапша.

Никому никого не жаль! Никто никого не любит! Никто не хочет страдать за ближнего!

И это отнюдь не сословная, например, дворянская беда. Остающийся за сценой простой народ живет так же неправильно и несправедливо, чему свидетельств в пьесе множество. Вспомним только, что к Илье Ильичу Телегину считают себя вправе пренебрежительно относиться все герои: как те, что на сцене, так и те, что за сценой (например, униживший его лавочник).

Как же после этого удивляться тому, что эти люди так легко стали жертвами всепоглощающей стихии самоуничтожения!

Ведь они не только не любят других, они ненавидят самих себя. В этом признается каждый из героев пьесы. И в этой ненависти они словно преждевременно угасают: каждый из героев чувствует себя стариком. Ладно бы это говорил только оставленный по возрасту профессор Серебряков, но ведь так говорит и 47-летний Войницкий, и 37-летний Астров. И даже 27-летняя Елена Андреевна совершенно серьезно утверждает, что через 5-6 лет станет старой.

Так в чем главный итог сравнения их и себя?

Два вывода должен сделать каждый из нас.

Первый. Общества, подобные тому, что мы наблюдаем в «Дяде Ване», беременны гражданской войной. К этому надо отнестись самым серьезным образом. Мы должны осознать, что та степень распада, которую демонстрирует сегодня наше общество, предвещает гражданскую войну. Эти войны всегда рождаются из атмосферы всеобщей ненависти и разобщенности. По справедливому замечанию Елены Андреевны, «мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг».

Второй вывод основан на нашем собственном опыте. В «Дяде Ване» все говорят, что хуже той жизни, которая им досталась, тех условий, в которых они живут, не может быть ничего. Общие настроения, видимо, ярче всего выразил профессор Серебряков: «У меня такое чувство, как будто я с земли свалился на какую-то чужую планету».

Этим острым чувством отчуждения, неблизости ко всему, что окружает, страдают все герои пьесы. Войницкий: «...жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет..., а настоящее ужасно по своей нелепости». Астров: «...нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души». Елена Андреевна: «Нет мне счастья на этом свете. Нет!» Серебряков: «Не могу! Нет сил!» И потому все они готовы сказать: хуже жить уже нельзя, так давайте же все пустим на слом. А это и есть пробудившийся ген гражданской войны, который спит до поры до времени.

Прав был Антон Павлович, что апеллировал через столетие к нам. Нет, мы не стали в массе счастливее, мы не избежали тех же про! блем, не разобрались в себе и в близких, но : одно мы знаем, мы должны знать: неправда, что не может быть жизни хуже, чем та, что была у них, и та, что сегодня есть у нас. Может, может быть!!!

Да, она ужасна, сегодняшняя жизнь. Да, ; так жить нельзя и надо снова и снова искать : выход. Но надо помнить, что может быть, и не раз уже бывало, значительно хуже.

Войницкий из 1900 года, мечтающий, что 13 оставшихся ему (по его расчетам) лет он мо; жет прожить по-новому, просыпаясь «в ясное, тихое утро» с ощущением, что «все прошлое забыто, рассеялось, как дым», не знает, что в действительности он будет неотвратимо приближаться не к «новой жизни», а к порогу первой мировой войны с ее

страшными потерями. А затем и все, кто доживет, попадут в жернова новых, еще более чудовищных потрясений.

Бедная, бедная Соня, вечная Сонечка с ее проповедью: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка». Какое страстное упование! Какое святотатственное упование! В первый раз за всю пьесу Соня вспомнила о Боге («...и Бог сжалится над нами...») и вере («Я верую, верую...»), но тут же оскорбила свою веру гордыней: «Бедный, бедный дядя Ваня... Ты не знал в своей жизни радостей...» Вот за эту гордыню («не знал») они все и будут наказаны. Им, жалующимся на несчастья своей жизни, эта жизнь очень скоро покажет, что такое настоящее несчастье.

Ей, Соне, и им всем еще предстоит узнать, что можно терять людей тысячами, миллионами, даже десятками миллионов. Они не знают, что такое бесконечные рвы, заполненные трупами, города, заставленные виселицами, эпидемии страшных болезней XX века, после которых целые области становятся безлюдными. Они не знают, что такое потерять все свое состояние в одночасье, что такое никогда (никогда!) не узнать судьбы своих близких или (Бог знает, что хуже!), узнав, никогда их не увидеть, потому что между вами границы и сама попытка свидания грозит одному из вас смертью. Они не знают, что их ждет жизнь, при которой графини станут проститутками, а герои войны будут стреляться или водить такси.

И какими же ничтожными на этом фоне им потом покажутся их былые страдания! Убогая деревня, которую они все так дружно ругают, расцветет обаянием ностальгии в эмигрантском творчестве Ивана Бунина, а из-за спины революционно-атеистической России в позднем творчестве Ивана Шмелева выглянет лик Святой Руси.

Так пусть же Астров радуется сейчас тому, что он может спасти больных людей и вырубать деревья, а не смотреть в бессилии на трупы и пепелища. Пусть Войницкий осознает, как это хорошо, что можно трудиться сутками, а не сутками воевать и убивать. Пусть Елена Андреевна сейчас, а не потом - в Сербии или во Франции - согласится, что учить или лечить людей, хоть даже и мужиков (что ее особенно пугает!), не такое уж несчастье. Пусть Серебряков перестанет завидовать чужому успеху и начнет радоваться тому, что у него есть. Неужели человеку нужно снова и снова все потерять, чтобы потом в отчаянии осознать преступность своих обвинений в адрес самой жизни? И, осознав, согласиться с Телегиным: «Еду ли я по полю..., гуляю ли в тенистом саду, смотрю ли на этот стол, я испытываю неизъяснимое блаженство! Погода очаровательная, птички поют, живем мы все в мире и согласии, - чего еще нам?» Но ведь Телегин для них и для нас юродивый!

Наш опыт учит, что слишком часто сплошь и рядом мы впадаем в гордыню и в гордыне этой не хотим понять, что проклятья, заверения о своей готовности покончить разом с «жизнью обывательской, жизнью презренной» (Астров), о желательности разрушить все привычное и потому надоевшее - это не пустые слова, это не просто слова, это чудовищные по своим последствиям поступки, за которые нам и нашим потомкам расплачиваться столетиями.

С началом первой мировой войны это отчетливо осознает Анна Ахматова, которая в 1915 году напишет воистину пророческие стихи:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, -
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

Хочется крикнуть им всем, и Антону Павловичу в том числе, туда, в 1900 год: любите себя, любите свой труд, любите свое имение, любите ваших близких, обратите внимание, наконец, как прекрасна вокруг вас природа (это не устает все время подчеркивать и драматург). Не надо святотатствовать, заявляя, что вы прожили свои жизни «глупо и безвкусно» (Астров). Мы, из XXI века, действительно «нашли средство, как быть счастливыми». Надо перестать презирать, надо полюбить то, что мы делаем, надо полюбить ту землю, на которой мы живем. Надо изгонять из нашего дома и из душ отравленную атмосферу ненависти друг к другу и к себе.

И тогда сбудется то, о чем мечтал Войницкий: «Проснуться бы в ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты начал снова, что все прошлое забыто, рассеялось, как дым. (Плачет.) Начать новую жизнь...»

ЦГТБ имени А.П. Чехова